

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

С. Салменниemi

Теория гражданского общества и постсоциализм

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/S.Salmenniemi_Teoriy.pdf

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПОСТСОЦИАЛИЗМ

Суви Салменниemi

В статье анализируются теоретические подходы к гражданскому обществу в условиях постсоциализма, в российском контексте. Автор показывает то, как изучалось постсоциалистическое гражданское общество, и вводит различие между пространственным и функциональным объяснениями, определяя три ключевых подхода: оценочный, исторически привязанный и эмпирически-сравнительный. Представлен альтернативный подход, фокусирующий внимание исследователя на культурных смыслах гражданского общества, которые производятся в дискурсивных и социальных практиках. В статье приводятся примеры применения дискурсивного подхода в исследовании гражданского общества и показывается роль таких исследований в критической переоценке ключевых понятий производства знания в социальной теории.

Ключевые слова: общественные организации, гражданское общество, демократия, постсоциализм, Россия

Данная статья возникла в ответ на некоторую растерянность и разочарование, которые я испытала при изучении литературы о постсоциалистическом гражданском обществе. В докторской диссертации я исследовала гражданскую активность местного уровня в современной России, стремясь изучить ее в рамках теории гражданского общества¹. Однако во

Впервые опубликовано в сб.: Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант: ЦСПГИ, 2009.

¹ Исследованы общественные организации в городе Твери, находящемся недалеко от Москвы, в 2001–2004 годы. Материал исследования состоит из интервью с представителями местного и регионального управления, наблюдений за деятельностью общественных организаций и опроса (N=105) сотрудников, зарегистрированных общественных организаций [См.: Salmenniemi, 2007a; 2008; Salmenniemi et al, 2009].

время исследования теория гражданского общества оказалась проблемной во многих отношениях. Чувствовалось, что она не предлагает достаточных оснований для анализа логики общественной активности, ее исторического и культурного формирования и не открывает перспективы осмысления той инициативы снизу, которую я наблюдала в России во время проведения полевых исследований. Тогда я отчетливо ощутила, что между российской эмпирической действительностью и теорией гражданского общества пропасть все более увеличивается, и их все труднее соотнести друг с другом. Чувствовалось, что я остаюсь в плену своих умозаключений, рассматривая общественные организации как элементы гражданского общества с точки зрения концепта гражданского общества.

Во время процесса исследования я много раз отвергала понятие гражданского общества до тех пор, пока каждый раз на каком-то этапе снова не начинала его использовать в системе понятий. Я пыталась согласовать теорию гражданского общества и эмпирический материал, но безуспешно. Эмпирический материал сжимался и становился очень абстрактным при рассмотрении его сквозь линзу гражданского общества. Было трудно уловить и осмыслить содержащиеся в нем противоречия и напряжения. Поэтому я и решила критически переосмыслить теории гражданского общества и разработать альтернативный подход.

В данной статье я рассматриваю теоретические дебаты и способы объяснения гражданского общества, возникающие в процессе исследования посредством вопросов и проблем, в контексте постсоциализма и особенно России¹. Как изучали и концептуализировали гражданское общество в эпоху постсоциализма? Я начну с рассмотрения возрождения гражданского общества и представленных очень поляризованных взглядов на гражданское общество в постсоциалистическом контексте. Следующая часть посвящена концептуальным моментам, я представляю три различных подхода к исследованию постсоциалистического гражданского общества. После этого я применяю альтернативный подход – дискурсивный прием, который пока не так широко применяется в исследовании гражданского общества. В заключении обсуждается тот вклад, который исследование постсоциалистических обществ может внести в социальную теорию.

Возрождение гражданского общества

Понятие гражданского общества в западных обществах имеет многовековую историю, корни которой восходят к XVIII веку. Граждан-

¹ Постсоциализм здесь используется как широкое понятие, но при этом важно заметить, что речь не идет о каком-то едином блоке стран: в том, как в этих странах развивается гражданское общество, имеются большие различия.

ское общество являлось центральным понятием в различных философских и политических традициях, в которых предлагаются его различные определения [Kumar, 1993; Alexander, 1998; Cohen, Arato, 1992]. Понятие гражданского общества оказалось вновь востребовано на рубеже 1980–1990-х годов, когда оно стало центральным означаемым демократии на гребне так называемой волны демократизации в Латинской Америке и странах государственного социализма. Как в социалистических странах, так и в Латинской Америке концепт гражданского общества функционировал в качестве основного способа критики и противостояния авторитарной системе [Alarugo, 2008; Nemment, 1998].

В эмпирических исследованиях, касающихся развития гражданского общества постсоциалистических стран, основным критерием и признаком гражданского общества издавна считаются общественные организации, понимаемые как негосударственные организации (НГО). Данную цепь «общественные организации = гражданское общество = демократия» можно рассматривать в качестве некоторого ортодокса гражданского общества, поскольку его доминирующее положение было в проектах и исследованиях, способствующих демократии. Положительная связь между гражданским обществом, общественными организациями и демократией издавна рассматривалась как данность и не подвергалась критическому пересмотру, хотя, как заметил исследователь — политолог Марк Э. Уоррен [Warren, 2001. P. 10–13], слишком просто предполагать, что вся гражданская активность и участие в политической жизни способствовали бы демократии в одинаковой мере или одинаковым образом. Популярность гражданского общества связана также с более распространенными разговорами о понимании развития и «о хорошем правлении» (good governance). Идея хорошего правления появилась в дебатах о развитой политике в начале 1990-х годов, и она определяет гражданское общество как центральную силу, поддерживающую развитие рыночной экономики и конкуренции, укрепляющую демократические институты и политическое участие [Santiso, 2001].

Возрастающий интерес к гражданскому обществу связан также с реструктуризацией или кризисом государства всеобщего благосостояния как в западных промышленных странах, так и в бывших социалистических странах. Отношения между частной и публичной сферой, государством и обществом реорганизованы, и в данном контексте гражданское общество часто определяется как третий сектор, предлагающий новый способ производства благосостояния. Притягательность третьего сектора в постсоциалистических странах связана с их желанием разрушить государственно-патерналистскую модель государства благосостояния и передать выполнение его обязательств

общественным организациям и рынку. Кроме того, западные государства в условиях глобальной конкуренции стремились к сокращению государственного сектора и к передаче ранее присущих ему задач третьему и частному сектору. С кризисом государства благосостояния существенно связан также подъем неолиберальной политической программы действий как части глобализирующейся капиталистической системы. Сокращение роли государства способствовало «новому открытию» гражданского общества. Данный интерес к гражданскому обществу и определяющей роли государства можно изобразить как глобальное изменение рациональности управления: государство управляет через гражданское общество, и гражданское общество является одновременно как субъектом, так и объектом управления [Sending, Neumann, 2006]. Развитие является двусторонним. С одной стороны, в дискурсе гражданского общества заложено эмансипаторное сообщение о наделении граждан полномочиями, усилении их позиции: увеличивается участие людей в принятии решений через гражданские организации, что способствует осуществлению гражданства. С другой стороны, дискурс гражданского общества легитимирует отход государства от обязательства благосостояния, ссылаясь на ответственность личности и на этос самопомощи и предпринимательства.

Интересно, что одновременно с тем, что гражданское общество рассматривается как решение проблем стран постсоциалистических обществ, в западных странах беспокоятся о дезинтеграции деятельности объединений и социального капитала [Putnam, 1995]. Гражданское общество предлагается Востоку в качестве «лекарства» в то же время, когда на Западе испытывает кризис [Carothers, 2002]. По мнению Алапуго [Alarugo, 2008], частично популярность понятия гражданского общества определяется тем, что это понятие является довольно широким и слабо определенным, что его можно использовать в качестве движителя многочисленных политических проектов. Дискурс гражданского общества предлагал активистам во многих частях мира стратегический инструмент, который стимулировал рефлексию нового социального порядка и одновременно показывал возможности социальной мобилизации [Lewis, 2001. P. 11]. Гражданское общество действовало как дискурс, вдохновляющий и мобилизующий коллективную деятельность, и активисты с его помощью могли принести в политическую среду, например, вопросы, связанные с правами человека и демократией, и осмыслить общественное устройство нового типа.

Противоречивое гражданское общество

Антрополог Юлий Хеммент обратил внимание на то, насколько сильно поляризованным является разговор о гражданском обществе

и гражданских организациях в постсоциализме. Гражданское общество показывается, с одной стороны, как «спасение» и, с другой стороны, как колониальное стремление западных стран. В качестве спасения гражданское общество определяется как прогрессивная сила гражданского общества, которая защищает граждан от произвола государства и способствует развитию демократии. Рыночные либералы и многие фонды, финансирующие западные проекты гражданского общества, считали гражданское общество эмансипаторным и усиливающим позиции простых людей, основной предпосылкой демократического общества. Исследователи, вдохновленные возможностями глобального гражданского общества, часто относятся к нему оптимистически как к мотору демократических изменений. [Nemment, 1998]. Гражданское общество рассматривается также в качестве «оздоровителя» постсоциалистических стран: речь идет о лечении «болезни», при которой гражданское общество действует в качестве «лекарства»¹.

В свою очередь, позиция колонизации исходит из представления, что перенос модели западной демократии и гражданского общества в постсоциалистические страны является одной из форм «доброжелательного колониализма», как считает антрополог Стивен Сэмпсон [Sampson, 2002]. Западные страны стремятся обеспечить безопасность и стабильность и «просвещать» постсоциалистические страны, принося туда модель гражданского общества, что является представлением западных стран о «хорошем обществе». Точка зрения колониализма была обусловлена недовольством развития гражданского общества и демократии в постсоциалистических обществах: более десятка лет иностранной помощи гражданским организациям не возымело такого влияния, способствующего гражданскому обществу и демократии, которого ждали и желали. Анализ развития гражданских обществ в постсоциалистических обществах часто отмечен печатью разочарования: гражданское общество здесь выглядит слабым по сравнению с Западом и не отвечает возлагаемым на него на рубеже 1980–1990-х годов большим надеждам [Howard, 2002b. P. 285].

В рамках позиции колонизации гражданское общество часто представляется в качестве чуждой модели, которую стремятся

¹ Для описания развития России и других постсоциалистических стран используется много метафор о болезни и природе, которые представляют демократизацию и переход к рыночной экономике как «нормальное» и «естественное» течение развития. России ставится диагноз и предлагаются различные «лекарства» (например, экономическая «шоковая терапия»), чтобы она «излечилась». Речь о России и других странах Восточной Европы в качестве «лаборатории общественного изменения» была очень общей и преимущественно абстрактной в 1990-е годы; она представляет эти страны как лаборатории, интересные для западных исследователей [Nemment, 2000].

копировать в постсоциалистических странах, не обращая внимания на их особенности и историю. По мнению критиков, без внимания остается то, что перенос модели гражданского общества предполагал бы одновременно также перенос всех остальных западных общественных и институциональных рамок, например, такой государственной машины, которая способна реализовывать политические решения [Sampson, 2002]. Антрополог Дон Кальб [Kalb, 2002] также отметил, что перенос модели гражданского общества в постсоциалистические страны привел к тому, что оно стало «товаром потребления класса люкс». Это дало возможность хорошо образованным гражданам в урбанизированных центрах основать гражданскую организацию и через нее иметь доступ к ресурсам и к восходящей социальной мобильности. В то же время в результате этих событий менее образованные люди, женщины и дети, жители сельской местности ничего так и не получили. Однако во многих исследованиях отмечается, что на самом деле именно женщины нашли в некоммерческих организациях возможность что-то сделать для общества, в то время как официальная политика находится во власти мужчин [Salmenniemi, 2007a; Richter, 2002].

С позиции колонизации проблемными оказываются также нормативное и прескриптивное измерения гражданского общества: гражданское общество моделируется как универсальный пакет, который как само собой разумеющееся и без видимых проблем переносится с одного места на другое в стиле *безразмерной одежды*. То же касается также доминирующей парадигмы демократизации [Carothers, 2002], которая в ее линейной телеологической модели с тремя периодами (открытие, прорыв, стабилизация) напоминает логику исторического материализма, при которой свержение капитализма неизбежно приводит к социализму и коммунизму.

Антрополог Крис Ханн [Hann, 1996; 2002] критиковал применение теорий гражданского общества в постсоциалистическом контексте. По его мнению, господствующая западная модель гражданского общества необязательно наилучшим образом объясняет логику деятельности постсоциалистических гражданских обществ, а гражданское общество в этих странах может строиться на совершенно различных практиках [См. также: Kubik, 2005. Р. 120]. Ханн считает, что надо расширить определение гражданского общества, соотнести и приспособить к местным условиям, а не переносить западную концепцию гражданского общества напрямую в исследования постсоциалистических стран. Тогда гражданское общество могло бы служить полезным общим понятием, называющим и делающим видимым множество социальных практик между частной сферой и государством, но не отделяясь от них [Hann, 2002. Р. 9]. Ханн критикует суж-

дения о том, что гражданское общество жестко ограничивается моделями индивидуума западного либерализма. По его мнению, исследование гражданского общества предполагает принятие во внимание неформальной практики, которая является центральной как в государственном социализме, так и в постсоциализме [Hann, 1996. P. 3; Lagerpetz, 2001].

Как колониализм, так и позиция «спасения» предлагают слишком упрощенное и черно-белое понимание гражданского общества и развития демократии. Оперирование разделением «хороший/плохой» не оправдывает ту многостороннюю действительность, в которой строятся демократия и гражданское общество при постсоциализме. Обе точки зрения игнорируют идею переговоров. Идеи и институции никогда не переносятся механически и прямолинейно из одного контекста в другой, а «чужой» всегда сплетается со «своим» и ведет переговоры с частично имеющимся материалом дискурсивной и социальной практики. В процессе согласований трансформируются идеи и институции, получая значение, отличающееся от первоначального. Прямое копирование и повторение модели гражданского общества в новом контексте невозможно; с этим процессом всегда связаны непреднамеренные и непредсказуемые последствия [Ср.: Wugawou, Verdery, 1999]. Ведь, как и предполагают представители позиции «спасения», гражданское общество не является автоматически «этическим» и альтруистским полем деятельности, а на практике в гражданском обществе производятся и обновляются такие социальные иерархии, как гендер и класс.

Гражданское общество: пространство и задачи

О постсоциалистическом гражданском обществе опубликовано множество теоретических и эмпирических исследований, в которых ставится вопрос, имеется или не имеется гражданское общество в постсоциалистических странах, и если имеется, каким образом его надо измерять, определять и концептуализировать. Каковы те институциональные формы, на которых строится гражданское общество? Вообще, является ли гражданское общество плодотворным понятием в контексте этих стран? В конечном итоге вопрос был онтологическим и эпистемологическим: как понимается гражданское общество, для чего оно нужно и как его изучать? Запад был само собой разумеющимся бесспорным референтом в разговорах о постсоциалистическом гражданском обществе, что неудивительно, поскольку западность встроена в саму историю понятия.

В литературе о гражданском обществе можно различать два способа концептуализации гражданского общества: пространственное

и функциональное [О других классификациях гражданского общества см.: Seligman, 1992; Alexander, 1998; Cohen, Arato, 1992]. Можно увидеть, что эти подходы отвечают на два вопроса: «Что такое гражданское общество?» и «Каковы его функции?». Часто эти два способа рассмотрения в исследовании сплетаются в один [Linz, Stepan, 1996], но их аналитическое разделение полезно особенно в связи с постсоциализмом, поскольку оно проявляет разницу мнений ученых о том, имеется ли гражданское общество в социалистических странах, и каким образом оно может развиваться в условиях постсоциализма.

Рассмотрение гражданского общества через метафору пространства определяет гражданское общество как социальную сферу, которая находится между рынком, государством и семьей и основным признаком которого являются гражданские организации [Henderson, 2003; Howard, 2003]. Тогда гражданское общество является названием, которое дается определенным институтам и практике. Пространственная артикуляция гражданского общества была общей отправной точкой для эмпирических исследований постсоциалистических обществ. Британский социолог Peggy Watson [Watson, 1997. P. 23–24] критиковала данный специальный подход за привязку к ньютоновскому пониманию абсолютного пространства. По ее мнению, это привело к тому, что гражданское общество рассматривается ошибочно как внеисторическое, универсальное пространство, никак не отмеченное социальными отношениями власти. И тогда получается, что строение гражданского общества и происходящая в его кругах деятельность не зависят от общественных отношений власти и иерархии, которые классифицируются по классовому и гендерному признакам [Salmenniemi, 2005. P. 748].

Со своей стороны, функциональная точка зрения изображает гражданское общество через его задачи. Майкл В. Фолей и Боб Эдвардс [Foley, Edwards, 1996] идентифицировали две модели гражданского общества: гражданское общество I и гражданское общество II. Гражданское общество I опирается на исследовательские традиции, представленные Алесисом де Токвилем и Робертом Патнэмом. В данной классификации функция гражданского общества, способствующая демократии, связана с тем, что оно способствует нормам взаимности, доверия и достижению общего добра, участвует в формировании общественного мнения, представляет варианты политики и стимулирует общественное участие граждан. Со своей стороны, гражданское общество II исходит из восточно-европейской интеллектуальной традиции, основывающейся, между прочим, на идее Антонио Грамши, который определяет в качестве задачи гражданского общества защиту индивидуума от потенциально репрессивного государства. В то время как версия гражданского общества I подчеркивает положительное влияние гражданского

общества на управление, вторая версия акцентирует конфликтный потенциал и роль гражданского общества как противодействующей государству силы.

Те исследователи, которые усматривают в социалистических обществах наличие какой-либо из черт гражданского общества, чаще всего подходят к гражданскому обществу с пространственной точки зрения. Элементами социалистического гражданского общества считаются профсоюзы, комсомол, спортивные общества и союзы композиторов и писателей, хотя они в различной степени находились под контролем государства [Rigby, 1991, цит. по: Alarugo, 1993]. Анна Роткирх представила гражданское общество Советского Союза со свойственной ему квазипубличной сферой¹ как явление наслоения:

Гражданское общество позднего социализма имело положительное содержание: особые ниши, окружения и сферы деятельности, которые подвергались меньшему идеологическому контролю сверху и где могли развиваться альтернативные идеологии и стили жизни [Rotkirch, 2000. P. 16].

В свою очередь, исследователи, изучающие гражданское общество с функционалистской перспективы, считают, что в социалистической системе такого явления не было. Американский политолог Майкл Урбан [Urban, 1997] определяет гражданское общество как жизненную сферу, которая характеризуется нормативным дискурсом, основной целью которого является достижение общего понимания между различными социальными группами [Alarugo, Lonkila, 2000]. В гражданском обществе люди организуются в объединения, которые основываются на общих интересах. Объединения представляют определенные группы граждан и вырабатывают в этом процессе социальную идентичность [Urban, 1997. P. 4]. В социалистических обществах для такого выражения интересов и идентичности не было возможности. Весь антагонизм между различными социальными группами был официально ликвидирован: все были одинаково равноправными гражданами, и вся деятельность объединения находилась под контролем государства. Между различными группами не имелось противоречивых и расходящихся интересов, у всех был один общий интерес и задача: преимущество социалистического государства и строительство коммунизма. Типичным для социалистических обществ, по мнению Урбана, было отделение социальной идентичности и интересов друг от друга. Урбан считает, что гражданское

¹ Понятие «квазипубличная сфера» указывает на практику и положения, находящиеся на нейтральной полосе между официально-публичной и частной жизненной сферой; такими были, например, кухни, кафе, культура отдыха позднего социализма [См.: Rotkirch, 2000; Zdravomyslova, Voronkov, 2002].

общество нельзя определять только пространственно, как находящиеся вне государства социальными и экономическими отношениями, а структурная связь социально-выраженных и признанных интересов и идентичности необходима для идеи гражданского общества [Urban, 1997. P. 72–73].

Российский исследователь Л.П. Борисов [Цит. по: Pursiainen, 2005] также признал, что какие-то элементы гражданского общества могут выявляться также в условиях тоталитарного правления, но поскольку у них отсутствует необходимая независимость от политической власти и право на самоуправление и независимую деятельность, то они не могут рассматриваться как формирующие гражданское общество. Иначе говоря, хотя в Советском Союзе имели место деятельность и практика, в которых, в какой-то мере, могли избегать контроля государства, их нельзя рассматривать в качестве элементов гражданского общества, потому что у них не было автономии от государства и возможности организованно оказывать давление или критиковать государственную власть.

Постсоциалистическое гражданское общество: три подхода

Мы выделяем три подхода, которые были господствующими в постсоциалистических исследованиях и особенно в ранних исследованиях о российском гражданском обществе. Этими подходами являются оценочный, исторически привязанный и эмпирически-сравнительный, и все они так или иначе исходят из пространственной и функциональной классификации. Они основываются на различных интеллектуальных традициях и методологиях и предлагают различные исследовательские программы для изучения гражданского общества.

Оценочный подход был очень популярным особенно при изучении поддержки демократии, оказываемой западными странами гражданским организациям и развитию гражданского общества. Оценочные исследования опирались на пространственную классификацию гражданского общества и сосредоточивались на исследовании общественных организаций как основных элементов гражданского общества. Исследование Сары Л. Хендерсон [Henderson, 2003] является хорошим примером данного подхода. Хендерсон характеризует задачу исследования следующим образом:

Эта книга оценивает то, в какой мере западная помощь может способствовать зарождению гражданского общества и, в конце концов, демократии в таких странах, в которых отечественные импульсы для этого развития являются слабыми или несуществующими вовсе [Henderson, 2003. P. 1].

Хендерсон основывает свой аргумент на ортодоксальном толковании гражданского общества: она считает, что живой и многосторонний сектор общественных организаций является краеугольным камнем гражданского общества, а гражданское общество, в свою очередь, является жизненно-важным с позиции демократии. Ее занимает вопрос: имеется ли в России гражданское общество и насколько успешно его развитие? При такой оценивающей постановке вопроса западная, чаще всего американская, жизнь объединений и третьего сектора берется как отправная точка, и сфера общественных организаций других стран оценивается в данной системе координат. Конечный результат исследования Хендерсон не удивителен: российская гражданская активность не соответствует американской модели третьего сектора. Отсюда следует вывод: российское гражданское общество является слабым. Подобного рода «дискурс отсутствия» [Alarpuo, Lonkila, 2000] является общим для исследований постсоциалистических стран, в которых часто обращается больше внимания на то, чего не имеется в постсоциалистических обществах, чем на то, что в них есть.

Хотя оценочный подход и пролил свет на ряд важных проблем в развитии демократии и гражданского общества, но оказался не способным представить саму логику деятельности российской общественной активности и то, каким образом активисты сами обозначают свою деятельность. Российская общественная активность в таких работах измеряется относительно западной модели гражданского общества, принимаемой за идеальный тип, что значительно сужает понимание гражданского общества.

Такое исследование не способно определить то, какой модели оно соответствует, и какие желания и цели российские активисты ставят относительно гражданского общества. Оценочный подход не проблематизирует или не анализирует и само понятие «западного гражданского общества», хотя формы гражданского общества и практика значительно различаются между западными обществами. Слабостью данного подхода является и его «прескриптивный универсализм» [Lewis, 2001] и оценочный подход: деятельность российских организаций оценивается по таким дихотомиям, как развитый (западный) / неразвитый (восточный), успешный / неудачный и сильный / слабый.

Исторически привязанная точка зрения в исследовании гражданского общества, со своей стороны, стремится формировать исследовательскую программу анализа российского гражданского общества, основываясь на российской истории и культуре. В качестве представителей данного подхода здесь мы анализируем работы двух российских исследователей: Олега Хархордина и Вадима Волкова. Они отмечают, что западные концепции гражданского общества

не способны удовлетворительно объяснить его строение в российском контексте.

Олег Хархордин [Kharkhordin, 1998] разработал российскую концепцию гражданского общества, опираясь на разделение Чарльзом Тейлором [Taylor, 1995] линий L и M в западных гражданских обществах. Линия L (по Локку) ссылается на англо-американскую традицию, в которой гражданское общество определяется как этическое сообщество в дополитическом состоянии, где государство играет минимальную роль. В этой модели гражданское общество указывает именно на «цивилизованное» общение: дела решаются спокойно и цивилизованно без насилия. Названная по Монтескье линия M, со своей стороны, ссылается на понятие гражданского общества как множества автономных объединений, которые являются посредниками между государством и индивидами. Линии L и M тесно связаны с религиозными направлениями: линия L — с протестантизмом и линия M — с католицизмом. Вдохновленный этим, Хархордин видит в российском гражданском обществе линию П, указывающую на православное христианство. Он опирается на функциональную классификацию гражданского общества и стремится выявить такие факторы и структуры, которые позволили бы понять дух православного гражданского общества. Согласно Хархордину, православное понимание гражданского общества подчеркивает антимилитаристическую и «цивилизованную» жизненную модель (как и протестантская линия L), и ее также можно считать защищающей индивидуумы от государства и обучающей гражданскому добру (как в линии M). Но в отличие от линий L и M, по мнению Хархордина, в центре православной модели гражданского общества лежит мысль о том, что принципы православной общины могли бы распространиться до принципов всего светского общества. По Хархордину, в дружеских сетях наилучшим образом проявилась идея православной концепции гражданского общества, и именно в них (а не в общественных организациях) он видит его основные элементы.

Проблемным в основывающейся на религии концепции гражданского общества у Хархордина (и цитируемых им авторов) является то, что его структуры и практика — священнослужители, монастыри, братства — являются мужскими, однако этот гендерный признак совершенно не принимается во внимание. Представленную Хархордином генеалогию гражданского общества можно толковать двумя способами. С одной стороны, ее можно рассматривать как выявляющую андроцентричность истории гражданского общества: теория гражданского общества постоянно определяется философами-мужчинами и мужской социальной средой. С другой стороны, эту генеалогию можно также представить так, чтобы она приняла во внимание и могла бы теоретически осмыслить религиозную деятельность и социаль-

ные сети женщин. Ведь женщины были активными в религиозной деятельности, они играли центральную роль в сохранении и распространении религиозных ритуалов и традиций, хотя их часто маргинализировали в официальной религиозной структуре власти. Хархордин не принимает во внимание активность женщин, а осуществляет гендерно слепое толкование гражданского общества. Анализ Харходина, хотя и сосредоточивается, главным образом, на историческом развитии гражданского общества, имеет значение также для рассмотрения и изучения гражданского общества в современной России. Если увиденную таким образом модель гражданского общества взять за отправную точку исследования, женскую инициативу невозможно будет увидеть и интегрировать в теоретические объяснительные модели, хотя сети и инициатива женщин являются центральными с точки зрения зарождения и развития гражданского общества.

Вадим Волков [Волков, 1997; Volkov, 2003], в свою очередь, считает, что гражданское общество следовало бы понимать через исторически встроенные отношения между общественной жизнью и экономической практикой. По Волкову, прямой перевод понятия «гражданское общество» на русский язык является чисто нормативным понятием, которое не имеет исторических корней и практической связи в России. Оно действовало больше как вдохновляющий лозунг в политической борьбе, чем как полезное аналитическое понятие. Согласно Волкову, подход функционального соответствия, стремление искать в России «исполняющие такие же обязанности» структуры, что и структуры западного гражданского общества, — не является плодотворным способом классификации [о подходе функциональных соответствий в сравнительном исследовании см.: Keränen, 2001]. Волков придерживается кросскультурного приема исследования, при котором выявляются местные традиции гражданского общества: подыскивается русскоязычное понятие, которое в исторической практике имеет отношение к общественному участию граждан и гражданству. Подобный исследовательский прием генеалогического гражданского общества нельзя отнести прямо к функциональной или пространственной классификации, в нем обе классификации сплетаются в одну. По Волкову, российское гражданское общество проявляется в термине *общественность*, который впервые используется в языковой практике в конце XVIII века. Сейчас содержание его значения указывает, с одной стороны, на общественное мнение и, с другой стороны, на коллективную, добровольную социальную деятельность, которая совершается вне профессиональных обязанностей индивидуума [Volkov, 2003. P. 64–69]. Поскольку анализ Волкова сосредоточен на выявлении исторического происхождения и применения, он не уточняет, как

применить данный подход к эмпирическому исследованию гражданского общества в современной России.

Американский политолог Марк Морье Ховард [Howard, 2003; 2002a; 2002b] представил сравнительную программу эмпирического исследования гражданского общества. Он критикует предложение Криса Ханна расширить определение гражданского общества и применить его в различных исторических и культурных контекстах, полагая, что мысль Ханна слишком расширяет и еще более запутывает понятие. Вместо этого Ховард предлагает в целях эмпирических исследований интерпретировать гражданское общество как членство людей в общественных организациях. Как видим, его модель связывается с пространственной традицией гражданского общества и делает возможным сравнение обществ, объяснение их различий и сходств. В то время как в оценивающем подходе сравнение присутствует имплицитно – гражданские организации сравниваются с западным гражданским обществом идеального типа, в модели Ховарда сравнение представлено эксплицитно и воплощается в эмпирическом анализе гражданского общества. *Эмпирически-сравнительный* прием, однако, страдает той же проблемой, что и оценивающий: с его помощью невозможно понимание культурного смысла гражданского общества или таких практик участия, которые остаются вне формальных организаций. Ховард признает эту проблему и отмечает, что одновременно с изучением членства или работы в организациях следует анализировать также любые другие формы участия или не-участия в общественной деятельности.

Гражданское общество как дискурс

Альтернативным подходом оценивающему, исторически привязанному и эмпирически-сравнительному приемам является подход к гражданскому обществу как дискурсу: пространственно и исторически связанным конфигурациям смыслов, практик и позиций субъектов [Alasuutari, 1996. Р. 21]. Дискурсивный прием имеет преимущество перед пространственной и функциональной классификациями и предлагает новый способ рассматривать и изучать гражданское общество. Данный прием стремится определить те культурные артикуляции гражданского общества, которые деятели осуществляют в дискурсивной практике. Он помещает в центр анализа те понятия и метафоры, «ситуативный вокабуляр» [Hammersley, Atkinson, 1983. Р. 153–154], с помощью которого деятельность означается и становится понятной. Тем самым дискурсивный подход следует прагматическому видению, фокусируясь на анализе того, как именно, в каких целях и с какими результатами используется понятие гражданского общества.

Таким образом открывается плодотворная перспектива для понимания общественных изменений и логики политической системы. Дискурсивный подход иначе, чем представленные выше подходы, исследует то, как образуется гражданское общество: какой оно приобретает смысл, какие позиции приписываются различным акторам и какие виды социальных практик с этим связаны. В этом подходе обходит стороной и «дискурс отсутствия», поскольку стремится определить существующую дискурсивную и социальную практику, а не те формы гражданского общества, которые, согласно западной модели, «должны» присутствовать в постсоциалистических странах.

Благодаря дискурсивному приему можно изучать встречу местного и глобального и происходящий при этом процесс переговоров. В отличие от колониационного взгляда на гражданское общество, здесь центральной является идея культурных согласований. При помощи дискурсивного приема можно анализировать, как понятия перемещаются из одного социокультурного контекста в другой и как их обсуждают на местах¹. Как заметили антропологи Сьюзан Гал и Гайл Клигман [Gal, Klugman, 2000. P. 93], одним из последствий глобальной циркуляции понятия «гражданское общество» стало то, что один концепт не обязательно означают одно и то же в разных обществах [Ср.: Alarugo, 2008]. Однако надо отметить, что «путешествует» только *форма* дискурса; «ценность» дискурса в системе значений и связанные с ним функции и значения производятся всегда на местах, их нельзя переносить [Blommaert, 2003. P. 616]. Когда понятия путешествуют через границы политических, экономических и гендерных систем, они частично укладываются в новой культурной дискурсивной сети, в которой они принимают новые значения. Иначе говоря, поле значения, ассоциации и содержание гражданского общества являются зависимыми от контекста.

В Финляндии дискурсивный подход к исследованиям гражданского общества применяли Кристер Пурсийайнен и Хейки Патомяки [Pursiainen, Patomäki, 2004], а также Ристо Алапуру [Alarugo, 2008]; в России дискурсы гражданского общества анализировала, например, Белокурова [Белокурова, 2002]. Пурсийайнен и Патомяки изучали дискурс гражданского общества, анализируя политические и научные дискуссии в России. Они выделили многочисленные конкурирующие дискурсы гражданского общества и проанализировали в них конструктивные цели и взгляды о роли государства и гражданского общества и отношения с Западом. Они также проследили за линией развития

¹ «Перемещение» понятий связано с глобальными экономическими иерархиями и иерархиями знание / власть, которые определяют то, как и какие именно понятия перемещаются.

дискурса в российской общественности. Пурсиайнен и Патомяки считают, что в конце 1990-х годов в России ведущую позицию заняло понимание гражданского общества как партнера государства, а не силы, противодействующей государству, как во время перестройки. Дискурс гражданского общества содержит понятие патерналистского государства, строго контролирующего социетальное развитие, формальной представительной демократии и гражданского общества как третьего сектора и помощника государства.

В свою очередь, Алапуро [Alarigo, 2008] сравнивает проявляющиеся в научной среде дискурсы гражданского общества в России и Эстонии с понятийно-исторической позиции. Он рассматривает гражданское общество как часть политическо-семантического поля общества, анализируя полученные характеристики гражданского общества относительно таких понятий, как «государство», «политика» и «гражданин». Изучая дискурсы гражданского общества в разных странах и на разных языках, можно лучше понять политическую культуру этих стран. По мнению Алапуро, российский и эстонский дискурсы гражданского общества значительно отличаются друг от друга. В то время как в российском научном обсуждении гражданского общества в 1990-е и 2000-е годы преобладали философские и теоретические разговоры, и их оттенок часто был пессимистическим по отношению к развитию гражданского общества, то в Эстонии дебаты о гражданском обществе были прагматично направленными и сосредоточены на анализе роли гражданских организаций.

Локальные смыслы гражданского общества

В своей докторской диссертации [Salmenniemi, 2007a; 2008] мы рассматриваем гражданское общество в качестве одного из возможных дискурсов, используемых для определения и осмысления гражданского активизма и гражданства муниципальными и региональными чиновниками, а также нашими информантами – представителями некоммерческих организаций. Кроме того, мы анализировали и другие понятия и дискурсы, которые используются акторами при обсуждении их деятельности и идентичностей. Мы также обращали внимание на те смыслы, которые приписываются к гражданскому обществу в российской публичной дискуссии. Мы спрашивали, используют ли люди понятие гражданского общества и, если используют, то в каком контексте? Какие смыслы приобретает «гражданское общество», и как оно связано с другими понятиями («государство», «Запад» и так далее), и какие функции подразумеваются данным понятием? Выявляя локальные смыслы и практики, присущие этому понятию, можно лучше понять логику деятельности российского сектора общественных организаций.

В отличие от оценивающего и эмпирически-сравнительного приемов, задачей исследования не являлось рассмотрение того, насколько изучаемые общественные организации отвечают западным моделям гражданского общества. Вместо этого мы стремились идентифицировать те понимания гражданского общества, которые деятели сами производят на микроуровне¹. Далее я приведу несколько примеров применения дискурсивного приема на основе моего эмпирического исследования [Salmenniemi, 2007a; 2008].

Общественные дебаты о гражданском обществе начались в Советском Союзе в 1980-е годы в эпоху *перестройки* и *гласности*. Понятия гражданского общества, правового государства и демократии стали основными рабочими инструментами, позволяющими осмыслить новый общественный порядок и идею гражданства, бросающими вызов советской системе. На рубеже 1980–1990-х годов толкование гражданского общества исходило из представлений, согласно которым ядром гражданского общества являются, прежде всего, самостоятельные и автономные общественные организации, противодействующие государству [Здравомыслова, 1996. С. 18–19; Белокурова, 2002]. В 1990-е годы наравне с понятием гражданского общества появились такие конкурирующие с общественными разговорами понятия, как социальное партнерство и третий сектор [Salmenniemi, 2007b]. Гражданское общество получило новое содержание значения, и это понятие начали применять больше в качестве профессионального термина научной среды, чем идеологического и политического термина [Здравомыслова, 1996. С. 24].

В 2000-е годы понятие гражданского общества вновь стало активно циркулировать в российских политических дискуссиях. Понятие является основным, например, для самопонимания западно-настроенных активистов по правам человека и демократии. Находящаяся в близких отношениях с Кремлем, молодежная организация «Наши» использует понятие гражданского общества в политической риторике и связывает его с советской риторикой [Lassila, 2007]. Политическая элита в России вкладывает в часть понятия гражданского общества формулировку особой «русской модели демократии». В связи с этим демократия получила, по меньшей мере, три различных признака: «управляемая», «восточная» и «суверенная». Во всех этих моделях демократии общим знаменателем является руководство и строгий контроль государства над обществом. Гражданское общество определяется как общественные организации, послушно исполняющие

¹ Наряду с этим я также анализировала другие определения и дискурсы, при помощи которых чиновники и активисты обозначали и осмысливали гражданский активизм [См. подробнее: Salmenniemi, 2008].

определяемую государственной властью политику. Гражданское общество, таким образом, выглядит как «субконтрактор», не как политический, а как исполнительный деятель. В этом смысле понятие гражданского общества отдаленно напоминает идею советских общественных организаций, задачей которых являлось стимулировать граждан работать на благо государства. Данная циркуляция понятия гражданского общества в различной связи в России говорит о том, что понятие является важным «признаком игры» в борьбе за символический капитал в общественной дискуссии [Ср.: Lassila, 2007]. Гражданское общество действует как «клей», с помощью которого возможно склеивать друг с другом различные семантические поля.

Некоторые из интервьюируемых нами чиновников регионального и местного управления тоже использовали понятие гражданского общества при размышлении над ролью гражданских организаций и их отношений с управлением. С помощью понятия гражданского общества представляется новое разделение труда между государством, гражданами и общественными организациями. В интервью гражданское общество вырисовывается как альтернатива советской государственно-патерналистской модели благосостояния: государство должно передать ответственность за производство социальных услуг организациям гражданского общества. Гражданское общество, таким образом, определяется как третий сектор, который выполняет те задачи, которые государство не имеет возможности или желания выполнять. В качестве задачи гражданского общества понимается также активизация граждан и «отчуждение» от «советского менталитета» или от пассивности и предположения, что государство позаботится обо всем. Власти желают активности организаций и роста ответственности индивидуума. По их мнению, это дало бы гражданам больше возможности влиять и одновременно также существенно снизило бы ответственность государства за производство благосостояния.

Власти подходят к общественным организациям, расценивая их в аспекте полезности и желательности гражданской активности с точки зрения управления. Они сетуют на то, что граждане не организуются так, как им (по мнению властей) «следовало бы»: организации должны выполнять идентифицируемые с управлением, значительные с точки зрения города задачи, а не организовываться вокруг тех вопросов, которые граждане считают важными. В толковании властей интересы города являются «общими интересами» всех, и поэтому организации должны их защищать в сотрудничестве с управлением. Это наглядно демонстрирует то, как приписываемые понятию «гражданское общество» смыслы определяются советскими представлениями о развитии государства и подчинении интересов граждан определяемым властями «коллективным интересам».

В своем исследовании мы также подробно анализируем понимание гражданского общества в двух организациях: профсоюзе работников здравоохранения и феминистском Центре женской истории и гендерных исследований¹. В профсоюзе понятие гражданского общества было незнакомым для большей части активистов, и на него не ориентировалась деятельность организации или коллективная идентичность членов. По мнению некоторых активистов, понятие вызвало у них ассоциацию с обществом типа советского, где были небольшие различия в доходах, и широкий набор социальных услуг предоставлялся государством. Активисты профсоюза не использовали ни понятие «третий сектор», ни оборот «социальное партнерство», говоря о своей деятельности, хотя последний термин довольно широко применяется в российском профсоюзном движении, по крайней мере, в центральном органе — Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР). Информанты говорили о коллективных трехсторонних договорах, которые на практике формируют краеугольный камень социального партнерства, но эти договоры рассматривались ими как технические средства, но не как часть дискурса о социальном партнерстве. Таким образом, «социальное партнерство», будучи ключевым компонентом риторики ФНПР, не было сколько-нибудь значимым концептом для самоидентификации активистов общественных организаций.

Вместо гражданского общества, третьего сектора и социального партнерства интервьюируемые члены профсоюза говорили об их «общественной организации» и иногда об «общественной работе». Их коллективная идентичность в качестве членов общественной организации была ключевой в проведении водораздела между государством и профсоюзом. Для них статус общественной организации означал независимость и дистанцию от экономических и политических элит. Коллективная идентичность группы и позиция профсоюза в обществе осмысливались в широко распространенной историко-культурной дихотомии «народ-власть». Представители профсоюза ассоциировали себя с народом, противопоставляя себя власти. Как правило, термин «власть» в интервью относили к федеральному правительству и Государственной Думе, иногда — к экономической элите, тогда как о работодателях и местной администрации здравоохранения в основном говорили как о своих союзниках. Тем самым понятием «власть» обозначали не очень ясную сущность «где-то там», и тем самым конфронтация

¹ Центр женской истории и гендерных исследований, основанный в конце 1990-х годов, западно-ориентированная некоммерческая организация, которая получила финансирование из иностранных фондов. В свою очередь, профсоюзы основаны еще в советское время, и они тесно сотрудничают с государством.

между работодателями, администрацией и профсоюзом на местном уровне ослабевала. Этот дискурс «народ vs власть», однако, отнюдь не приводил к более успешной мобилизации работников. Профсоюз оказался не способен перевести смысл страдания, присущий виктимизированной позиции народа, в растущее коллективное действие. По сравнению с движением солдатских матерей, которое тоже отталкивается от похожей категории (матери, скорбящие о своих сыновьях) и оказалось способным перевести страдание в коллективную мобилизацию, профсоюз не смог превратить ощущение субординации в политизированное чувство угнетения у своих сторонников.

В отличие от этого, в Центре женской истории и гендерных исследований понятия гражданского общества и западной либеральной демократии являются важным строительным материалом коллективной идентичности [Salmenniemi, 2007a; 2008]. Гражданские организации определяются как основной элемент гражданского общества. С помощью понятия гражданского общества понимается новая, альтернативная советской, социальная система, ядром которой является мысль об ответственном государстве и активном и ответственном гражданстве. Понятие гражданского общества, таким образом, используется у активистов как понятия *good to act with* и *good to think with*, с помощью которых проводится и делается понятным общественное изменение. В интервью с активистами гражданское общество означало коллективность, которая строится на микроуровне и уважает права личности. Таким образом, ставится под вопрос идеологический принцип, ведущий в советском обществе и также представленный тверскими властями, – первостепенности коллективных интересов по отношению к интересам личности. В интервью с активистами центра четко выявляется утопичное, нормативное и идеальное измерение гражданского общества. Как отметил один из активистов,

гражданское общество является идеальным, к которому стремятся. Это горизонт, к которому надо двигаться; чем ближе подходишь к горизонту, тем дальше он уходит.

Активисты понимают, что сильное гражданское общество означает, что власть предержавшие не могут манипулировать гражданами, которые способны принимать самостоятельные решения и защищать свои права.

В 2004 году понятие гражданского общества ясно превратилось в политическое понятие в Центре: оно используется с оттенком сопротивления по отношению к политике «управляемой демократии» правления Путина. По мнению активистов, правление Путина стремится переработать понятие гражданского общества так, чтобы оно лучше подходило к условиям «суверенной демократии». Однако один из активистов

понимает, что пока дискурс гражданского общества присутствует в общественной дискуссии, Центр может стремиться использовать его в достижении целей, способствующих демократии. Тем самым гражданское общество как бы работает «тактическим инструментом» [Ср.: de Certeau, 1984].

Р: У них [власти] сохраняется риторика, по крайней мере. <...> Мне кажется, надо использовать. Пока можно, надо использовать.

И: После выборов Путин сразу сказал, что надо укреплять гражданское общество...

Р: Первые слова. <...> Но, тем не менее, к этому можно апеллировать. <...> я часто повторяю фразу Путина. Здесь вот я читаю курс по гражданскому обществу, и, тем не менее, я никогда не привожу эту цитату, что как сказал президент. Я сразу дистанцируюсь, показываю, что Путин сам в первые минуты своего избрания сказал, что мы будем укреплять гражданское общество. И я говорю: «власть продолжает играть с этой концепцией. Значит, что-то в ней есть такое, что можно использовать».

В своем интервью руководитель Центра досадовала на то, что о гражданском обществе в России уже не говорят так же оживленно, как во время перестройки и в 1990-е годы. По ее мнению, в России произошел дискурсивный переход от гражданского общества к дискурсу третьего сектора:

К моему сожалению, в России за последние годы меньше стали говорить о гражданском обществе. В начале перестройки – вот, правовое государство, гражданское общество – появились эти понятия <...>. Потом это стало как-то исчезать. Стали говорить о вертикали власти. <...> я считаю, как раз мало говорят [о гражданском обществе] в России. Или же пытаются свести понятие гражданского общества к понятию третий сектор. <...> Третий сектор. Это вот деятельность грантов, фондов – это вот разные вещи. <...> Гражданское общество – оно гораздо шире, а не только третий сектор. Не только деятельность, связанная с добыванием денег под свои проекты. [Оно обозначает] способность людей к самоорганизации. Когда люди способны без приказа сверху самоорганизовываться.

В Центре женской истории и гендерных исследований понятие гражданского общества работает как средство различения между советской системой и современным политическим руководством. Активисты этого центра понимали свою организацию как «островок гражданского общества» и воплощали его принципы в обществе, движущемся, как им казалось, во все более авторитарном направлении. С помощью дискурса гражданского общества группа также идентифицировала себя как часть западного феминистского «воображаемого сообщества», которое действует воодушевляющим горизонтом для активистов, чувствующих по отношению к себе некоторое отторжение в российском обществе.

Постсоциализм и теория общества

Обсуждаемые в данной статье возможности применения и проблемы теории гражданского общества связаны с более обширной дискуссией по поводу использования в постсоциалистическом контексте западных теорий и методологий. Часто используемое дихотомическое разделение «западная теория» vs «постсоциалистическая действительность» является проблемным, поскольку оно представляет однородными как Запад, так и постсоциализм, и стирает внутренние различия этих категорий. Кроме того, при таком подходе постсоциалистические страны часто оказываются «экзотичными» и второсортными и предполагается, что они являются *a priori* «другими», и поэтому их нельзя изучать по западным системам понятий. Культурный обмен нередко просто игнорируется, между тем так называемые «западные» теории являются соединением многих различных элементов, и они стали влиятельны далеко за пределами «Запада». Например, работы Михаила Бахтина имели центральное значение для формирования теории исследований культуры (cultural studies), а дебаты о постколониализме курсируют через многие культуры, критикуя и ставя под вопрос центральность Запада. «Западная» теория не всегда подходит и «на Западе»: например, либеральная политическая теория плохо подходит для объяснения политической системы скандинавских стран.

Для того чтобы увидеть отношения между теориями, основывающимися на развитии постсоциалистической действительности и западных обществ, плодотворно подходить с позиции контекстуального объяснения [Ср.: Keränen, 2001]. Любое знание исторически и пространственно привязано, и необходимо критически рассматривать понятия и теории относительно любого предмета исследования, а не только при изучении постсоциализма. Таким образом, вопрос состоит в важности эпистемической рефлексивности [Bourdieu, Wacquant, 1992] в исследовательском процессе: это означает, что исследователь должен размышлять о выбранных аналитических инструментах и тех способах, с помощью которых он производит знание. Эпистемическая рефлексивность мотивирует исследователя анализировать и критически рассматривать то, как и какую социальную действительность создают используемые теории и понятия и на какие вопросы можно ответить с их помощью.

Исследование постсоциалистических обществ предлагает возможность критически рассматривать понятия социальной теории и производства знания [Ср.: Assmuth, 2003]. Эпоха постсоциализма сопряжена с изменениями не только «на Востоке», но также «на Западе», и она оказала влияние на понимание общества. Социальные изменения в постсоциалистических странах ставят под вопрос многие центральные

предпосылки и категории социальной теории, заставляя вновь задуматься над ними. Изучая постсоциалистические страны, мы можем снова оценивать и уточнять объяснительную силу и границы познания общества и строить более широкие теоретические объяснительные модели, которые бы принимали во внимание также опыт и институциональную систему постсоциалистических стран. Исследование постсоциалистических стран помогает также подвергнуть критике эпистемический универсализм [Keränen, 2001. P. 87], то есть заблуждение относительно того, что «общая» теория не происходит из какого-либо конкретного места: разделение на «общую теорию» и «партикулярную эмпирику» является сомнительным, поскольку теория связана с контекстом. Столкновение эмпирики и теории может приводить к воодушевляющим открытиям новых возможностей теоретизации явлений. Например, осознав проблематичность доминирующих объяснительных моделей гражданского общества, мы в нашем исследовании смогли найти альтернативный — дискурсивный — подход. Изменения в системе смыслов являются интегральным элементом социальных изменений, чем и обосновывается важность дискурсивного подхода.

Список литературы

- Белокурова Е. В.* Концепция гражданского общества в российском прочтении: Обзор публикаций последних лет // Граждане и власть: проблемы и подходы / Под ред. Г. М. Михалевой и С. Л. Руженкова. СПб.: Летний сад, 2001. С. 30–47.
- Волков В.* Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 77–91.
- Хархордин О.* Проект Достоевского // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 38–59.
- Alapuro R.* Civil society in Russia? // The Future of the Nation State in Europe / Ed. by J. Iivonen. Aldershot: Edward Elgar, 1993. P. 194–218.
- Alapuro R.* Russian and Estonian Civil Society Discourses Compared // Media, Culture and Society in Putin's Russia / Ed. by S. White. Houndmills: Palgrave, 2008. P. 72–92.
- Alapuro R., Lonkila M.* Networks, Identity and (In)action: A Comparison between Russian and Finnish Teachers // European Societies. 2000. Vol. 2. № 1. P. 65–90.
- Alasuutari P.* Toinen tasavalta. Tampere: Vastapaino, 1996.
- Alexander J.* Introduction. Civil society I, II, III: Constructing an Empirical Concept from Normative Controversies and Historical Transformations // Real Civil Societies. Dilemmas of Institutionalisation / Ed. by J. Alexander. L.: Sage, 1998. P. 1–20.
- Assmuth L.* Itä-Euroopan tutkimus ja antropologia // Idäntutkimus. 2003. Vol. 10. № 4. P. 20–31.
- Blommaert J.* Commentary: A sociolinguistics of globalization // Journal of Sociolinguistics. 2003. Vol. 7. № 4. P. 607–623.
- Bourdieu P., Wacquant L.* Invitation to reflexive sociology. Cambridge: Polity Press, 1992.

- Burawoy M., Verdery K.* Introduction // *Uncertain Transition. Ethnographies of Change in the Postsocialist World* / Ed. by M. Burawoy, K. Verdery. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 1999. P. 1–17.
- Carothers T.* The end of the transition paradigm // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 31. № 1. P. 5–21.
- Certeau M. de.* *The Practice of Everyday Life*. Berkeley: University of California Press, 1984.
- Cohen J., Arato A.* *Civil society and political theory*. New Baskerville: MIT Press, 1992.
- Foley M., Edwards B.* The paradox of civil society // *Journal of Democracy*. 1996. Vol. 7. № 3. P. 38–52.
- Gal S., Kligman G.* *The Politics of Gender after Socialism*. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Hammersley M., Atkinson P.* *Ethnography. Principles in Practice*. L.; N. Y.: Tavistock Publications, 1983.
- Hann C.* Introduction: Political society and civil anthropology // *Civil Society. Challenging Western Models* / Ed. by C. Hann, E. Dunn. L.; N. Y.: Routledge, 1996. P. 1–26.
- Hann C.* Farewell to the socialist 'other' // *Postsocialism. Ideals, ideologies and practices in Eurasia* / Ed. by C. Hann. L.; N. Y.: Routledge, 2002. P. 1–11.
- Hemment J.* Colonization or Liberation: The Paradox of NGOs // *Postsocialist States. The Anthropology of East Europe Review*. 1998. Vol. 6. № 1. P. 31–39.
- Hemment J.* *Gender, NGOs and the Third Sector in Russia: An Ethnography of Post-Socialist Civil Society*. Unpublished dissertation, Cornell University. 2000.
- Henderson S.* *Building Democracy in Contemporary Russia: Western Support to Grassroots Organizations*. Ithaca: Cornell University Press, 2003.
- Howard M.* Postcommunist Civil Society in Comparative Perspective // *Demokrati-zatsiya*. 2002a. Vol. 10. № 3. P. 285–306.
- Howard M.* The weakness of postcommunist civil society // *Journal of Democracy*. 2002b. Vol. 13. № 1. P. 157–169.
- Howard M.* *The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Kalb D.* Afterword: globalism and postsocialist prospects // *Postsocialism. Ideals, ideologies and practices in Eurasia* / Ed. by C. Hann. L.; N. Y.: Routledge, 2002. P. 317–334.
- Keränen M.* Vertaileva ja poikkikulttuurinen tutkimus. Kaksi tapaa lähestyä muita maita // *Politiikka*. 2001. Vol. 43. № 2. P. 82–92.
- Kharkhordin O.* Civil society and Orthodox Christianity // *Europe-Asia Studies*. 1998. 50:6. P. 949–968.
- Kubik J.* How to study civil society: The state of the art and what to do next // *East European Politics and Societies*. 2005. Vol. 19. № 1. P. 105–120.
- Kumar K.* Civil society: an inquiry into the usefulness of an historical term // *British Journal of Sociology*. 1993. Vol. 44. № 3. P. 375–395.
- Lagerspetz M.* From 'Parallel Polis' to 'The Time of the Tribes': Post-Socialism, Social Self-Organization and Post-Modernity // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2001. Vol. 17. № 2. P. 1–18.

Lassila J. Ideologisesta tyylistä tyylikkääseen ideologiaan // *Idäntutkimus*. 2007. Vol. 14. № 3. P. 41–52.

Lewis D. Civil society in non-Western contexts: Reflections on the 'usefulness' of a concept. Civil society working paper 13, London School of Economics, 2001.

Linz J., Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation: Southern Europe, South America and post-communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.

Pursiainen C., Patomäki H. The State and Society in Russia // *Contemporary Change in Russia* / Ed. by E. Rindzeviciute. Stockholm: Södertörns University, 2004.

Pursiainen C. The Development of civil society – state relations in Russia. Unpublished manuscript, 2005.

Putnam R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6. № 1. P. 65–78.

Richter J. Promoting Civil Society? Democracy Assistance and Russian Women's Organizations // *Problems of Post-Communism*. 2002. 49:1. P. 30–41.

Rotkirch A. The Man Question. Loves and Lives in Late 20th Century Russia. Department of Social Policy, University of Helsinki, 2000.

Salmenniemi S. Civic activity – feminine activity? Gender, civil society and citizenship in post-Soviet Russia // *Sociology*. 2005. Vol. 39. № 4. P. 735–753.

Salmenniemi S. Growing Flowers in the Frost: Civic Activity, Citizenship and Gender in Russia. Unpublished dissertation, Department of Sociology, University of Helsinki, 2007a.

Salmenniemi S. Civic organizations and the State in Contemporary Russia: Co-operation, Co-optation, Confrontation // *Civil Societies and Social Movements: Potentials and Problems* / Ed. by D. Purdue. L.; N. Y.: Routledge, 2007b. P. 19–34.

Salmenniemi S. Democratisation and Gender in Contemporary Russia. L.; N. Y.: Routledge, 2008.

Salmenniemi S., Borodina A., Borodin D., Rautio V. Logika razvitiia obshchestvennykh organizatsii v sovremennoi Rossii // *Politicheskie issledovaniia*. 2009. № 1. P. 158–174.

Sampson S. Weak states, uncivil societies and thousands of NGOs: Western democracy export as benevolent colonialism in the Balkans. 2002. Доступно по адресу: http://www.anthrobase.com/Txt/S/Sampson_S_01.htm.

Santiso C. Good governance and aid effectiveness: The World Bank and conditionality // *The Georgetown public policy reform*. 2001. Vol. 7. № 1. P. 1–22.

Seligman A. The Idea of Civil Society. N. Y.: The Free Press, 1992.

Sending O., Neumann I. Governance to Governmentality: Analyzing NGOs, States, and Power // *International Studies Quarterly*. 2006. № 50. P. 651–672.

Taylor C. Philosophical arguments. Cambridge: Harvard University Press, 1995.

Urban M., Igrunov V. & Mitrokhin S. The Rebirth of Politics in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Volkov V. Obshestvennost': Russia's Lost Concept of Civil Society // *Civil Society in the Baltic Sea Region* / Ed. by N. Götz, J. Hackmann. Aldershot: Ashgate, 2003. P. 63–74.

Warren M. Democracy and Association. Princeton: Princeton University Press, 2001.

Watson P. Civil Society and the Politics of Difference in Eastern Europe // *Transitions, Environments, Translations. Feminisms in International Politics* / Ed. by J. Scott, C. Kaplan, D. Keats. L.; N. Y.: Routledge, 1997. P. 21–29.

Zdravomyslova J. Kansalaisyhteiskuntakeskustelu Veäjällä // *Matkalla kansalaisyhteiskuntaan? Liikettä ja liikkeitä Luoteis-Venäjällä* / Ed. by I. Liikanen, P. Stranius. Joensuu: Joensuun yliopiston Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja, 1996. P. 17–26.

Zdravomyslova E., Voronkov V. The Informal Public in Soviet Society: Double Morality at Work // *Social Research*. Vol. 69. 2002. № 1. P. 49–69.

(Перевод с финского Елины Тамминиеми
под редакцией автора и Елены Ярской-Смирновой)

Суви Салменниemi
PhD, научный сотрудник научно-исследовательского института
«Коллегиум Хельсинки»,
университет Хельсинки, Финляндия
электронная почта: suvi.salmenniemi@helsinki.fi
